9. Историография истории СССР / под ред. В. Е. Иллерицкого. М., 1961.
10. Мамин-Сибиряк Д. Н. Кризис уральской горной промышленности // Собр. соч. Свердловск, 1951. Т. 12.
11. Менделеев Д. И. Уральская железная промышленность в 1899 г. СПб., 1900. Ч. 3.
12. Митинский А. Н. Горнозаводской Урал. СПб., 1909.
13. Озеров И. X. Горные заводы Урала. М., 1910.
14. Орловский М. П. За двести лет: Очерки горнозаводского Урала. Екатеринбург, 1907. Ч. 1.
15. Сборники статистических сведений о горнозаводской промышленности России за 1910 г.
16. Семевский В. И. Рабочие на Сибирских золотых промыслах : историческое исследование. СПб., 1888. Т. 1.
17. Туган-Барановский М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1922.
18. Туган-Барановский М. Состояние нашей промышленности за последнее десятилетие и виды на будущее // Современный мир. 1910. № 2, ч. 2.
19. Формановский С. П. Горнозаводские дела Урала : докл., читанный в Императ. Рус. техн. о-ве 9 марта 1909 г. СПб., 1909.

Статья поступила в редакцию 15.12.2010 г.

УДК 316.325 + 321.7 + 323.14 + 323.2

В. И. Михайленко

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТОТАЛИТАРИЗМА

Рассматриваются современные научные интерпретации тоталитарного феномена. Автор расширяет диапазон тоталитарных режимов до «тоталитарной демократии». Сила тоталитарного режима, по утверждению автора, состоит в его опоре на массы, в использовании коллективистских архетипов массового сознания и нового политического стиля вовлечения масс в политику, в достижении консенсуса между режимом и массами. Автор расширяет диапазон тоталитарных режимов до «тоталитарной демократии». Сопоставляя «идеальные типы» либеральной и тоталитарной демократии, автор полагает, что жизнестойкость первой из них придает спонтанный, эвристический поиск компромисса между свободой и необходимостью. Анализируются современные дискуссии о природе тоталитарных обществ и режимов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: тоталитаризм, массовое общество, фашизм, национал-социализм, представительная демократия, «прямая» демократия.

Когда мы говорим о тоталитаризме, то имеем в виду три разных понятия: *реальный исторический факт* в виде тоталитарных государств, типологизированную *концепцию* тоталитарного государства, разработанную классическим политическим мышлением, и *теорию* тоталитаризма в виде умозрительной

МИХАЙЛЕНКО Валерий Иванович — доктор исторических наук, профессор, завкафедрой теории и истории международных отношений Уральского государственного университета им. А. М. Горького (e-mail: Valeri.mikhailenko@usu.ru).

© Михайленко В. И., 2011

модели, созданной на сравнительном анализе различных тоталитарных режимов, т. е. нечто вроде «истории идей» [17, IX].

Я исхожу из того, что любое историческое обобщение возникает в результате избирательной работы интеллекта, который обобщает некоторые типологические черты, присущие феномену, находящемуся под пристальным вниманием исследователя. Отсюда следует, что под влиянием фактора исторического времени (можно сказать словами Ю. Бохеньского — духовной ситуации времени), изменения методологического инструментария измерения явления с течением времени представления о нем могут изменяться.

В связи с вышесказанным мне представляется логичным сформулировать следующие вопросы:

- Является ли по-прежнему актуальным выделение и обоснование такого исторического феномена, как *тоталитаризм*?
- Возможна ли вообще *всеобщая теория тоталитаризма*? Если да, то какие в ней произошли типологические изменения типологических признаков?
- Изменилась ли с течением времени политическая оценка *исторических* форм тоталитаризма?
- Как научное знание оценивает современные формы тоталитаризма?

Отвечая на первый вопрос, можно утверждать, что с течением времени типологизация такого явления, как тоталитаризм, не утратила своего значения.

Однако многие исследователи, которые в XXI в. обращаются к теме тоталитаризма, в меньшей мере, чем это было в прошлом веке, уверены в возможности *точного* научного измерения этого феномена, к которому возможно применение определения *блуждающего* феномена.

Еще сложнее сегодня применять типологию, разработанную классической наукой на примере классических политических систем и режимов. Что имеется в виду? Сегодня практически ни в одной стране не существует четкого политического и идеологического деления на левых и правых, оформленного в устойчивые массовые политические партии, социальная дифференциация и поведение масс связаны ныне не столько с их положением на социальной лестнице, сколько с тем, как они сами себя субъективно оценивают. Мы вполне обоснованно можем говорить о постмодернистском социальном, идеологическом, политическом *миксте*.

Это означает, что сегодня тоталитаризм и тоталитарные характеристики практически невозможно соединить в одном объекте.

По аналогии в оценке современного тоталитаризма возможны те характеристики, которые использовал Р. Дарендорф применительно к представительной демократии. Как отмечает Р. Дарендорф, наличия формальных демократических институтов, обобщенных понятием «правовое государство», уже недостаточно для констатации демократического состояния или процесса. Индикаторами демократии могут стать, казалось бы, второстепенные признаки, например, готовность властной политической элиты на демократическую смену власти [7, 8].

Тот же Дарендорф, оценивая стремительное наступление глобализации на институты государства, высказывает суждения относительно вступления

человечества в новый переходный «последемократический период», который, как он надеется, завершится конструкцией «новой демократии» [8, 7–8].

В декабре 1996 г. мне довелось принять участие в международной конференции в Милане «Современность и кризис идеологий в европейском контексте», посвященной 100-летию со дня рождения философа и идеолога итальянского корпоративизма Уго Спирито. В конференции участвовали Франсуа Фюре, Эрнст Нольте, Эмануэле Северино и другие известные исследователи политических идей и идеологий.

В ходе конференции возник спор между мной и Фюре о судьбе коммунистической идеи в России. Напомню, что самая известная книга этого историка «Прошлое одной иллюзии» вышла в 1995 г. и быстро стала бестселлером. Она переведена на многие языки, в том числе на русский [6]. И Франсуа Фюре, и автор этих строк в равной мере испытали искушение коммунистической иллюзией: оба были членами коммунистических партий. Франсуа Фюре состоял в ФКП, затем разочаровался в коммунистических идеалах и стал последовательным критиком тоталитарных идеологий и политики. Суть спора с Фюре кратко можно свести к оценке перспектив коммунистических идеологий в XXI в. Французский историк говорит об «абсолютном поражении» коммунистической идеологии. «Как бы там ни было, присутствие или возвращение к власти старых членов коммунистической партии ничего не меняет в том факте, что коммунизм скончался вместе с режимом, который высоко держал его знамя...», — утверждал Ф. Фюрэ [10, 59]. Возражая ему, автор этих строк указывал на то, что распад советского блока и внутренний крах СССР не решили проблему привлекательности коллективистских и солидаристских идей, одной из разновидностей которых является коммунистическая идея. На постсоветском пространстве, где светская демократическая реформация никак не затронула сознание миллионов людей, всегда будет существовать питательная база для коммунистических, солидаристских идей [12, 233–271].

Я могу совершенно определенно сказать, что в научном дискурсе о тоталитаризме исследователи перестали выводить на первый план понятия *террор*, *насилие* в определении тоталитаризма.

Приведу слова Дж. Моссе, американского ученого, еврея, вынужденного эмигрировать из Германии после прихода Гитлера к власти: «...массовый террор, который обычно рассматривается как неотъемлемая часть тоталитаризма, в самом начале не использовался фашистскими режимами. Чтобы быть точнее, отметим иные формы подавления индивидуальности, которые не следует относить к массовому террору. В первые годы фашизма у власти от большей части населения требовались лишь разнообразные формы конформистского поведения» [15, 8].

Мне хотелось бы напомнить высказывание еще одного корифея мысли — философа М. Мамардашвили: «...никакого сталинизма не существовало... На самом деле Сталин — это продукт миллионов “самовластий”, вернее, их сфокусированное отражение. Об этом, кстати, он и сам говорил, признаваясь, что партия создала его по своему образу и подобию... Адекватным их сознанию оказался Сталин. Поэтому он и стал тем, кем стал» [4, 170].

Отсюда переходим к самому важному типологическому признаку тоталитаризма — *массовизму*. Если попытаться выстраивать иерархию признаков тоталитаризма, то первым и наиболее важным среди них я бы поставил *массовизм*.

Это понятие созвучно с «восстанием масс», о которых в 30-х гг. говорил Х. Ортега-и-Гассет, и с «национализацией масс», о которой писал Дж. Моссе.

Тоталитаризмы 20–30-х гг. рождены модерностью, массовым обществом, урбанизацией и окопным опытом Первой мировой войны.

Таким образом, тоталитаризм прежде всего является феноменом масс, связанным с поведенческими стереотипами масс. Все тоталитарные попытки в XX в. изменить естественный ход истории были вызваны самим историческим процессом, имели глубокие корни в массовом сознании и массовую поддержку.

Начиная с Французской революции, когда массы впервые проявили себя как протагонисты истории, последующие два века прошли под знаком массовых движений. Дж. Моссе охарактеризовал этот процесс как «национализацию, масс» [13].

Нам представляется более точным определение российского историка Б. Р. Лопухова, который писал об этом феномене как о «массовизме» еще в советский период, поскольку выход масс на политическую сцену далеко не всегда сопровождался «национализацией».

В России обучение масс политике произошло так, как писал об этом Ф. Фюрэ, т. е. в ходе Первой мировой войны. И именно в «патологической форме демократизации». «Народные массы вступили в политику через войну и вышли из этого ужасного испытания, заплатив за него таким огромным количеством жертв, которое было запрошено войной...» [9, 16]. Здесь важно подчеркнуть, что по ряду причин *массовизм* в России приобрел социальную, а не национальную направленность.

Тоталитаризм всегда связан с «мобилизацией масс», он является антитезой правовому государству. Все тоталитарные режимы противопоставляли *прямую* демократию *представительной* демократии, в центре которой находились идеи «народного суверенитета», «прямого управления народа», «всеобщей воли» (в духе Ж. Ж. Руссо). Лидер — вождь, дуче, фюрер, каудильо и др. — выражал «всеобщую волю народа». Однако свободное выражение воли было несовместимо с тоталитарной практикой.

Народные ритуалы, культы, имевшие давние исторические традиции, чаще всего христианские и/или языческие, были одним из средств вовлечения масс в политическую жизнь и выполняли не менее важную роль, чем насилие [14, 7–8]. Дж. Моссе обращает внимание на важную посредническую функцию *нового политического стиля* в массовом обществе [15]. В соответствии с новым политическим стилем «диктатор и народ более не противопоставлялись друг другу». «Напротив, новый политический стиль выполнял посредническую миссию между ними, подменяя ту роль, которую парламент выполняет в либеральном государстве. Через ритуалы и праздники, мифы и символы народ привлекался к активному участию. Для миллионов людей это была истинная демократия...» [15, 7]. Используя новый политический стиль как выражение демократии, итальянский фашизм и германский национал-социализм были

в состоянии поддерживать консенсус и тем самым скрывать их провалы в социальной и экономической областях.

Во всех тоталитарных режимах первостепенную роль играла проблема воспитания «нового человека» и создание гомогенного массового общества, в котором индивидуальное «я» подчинялось коллективу. В основе декларируемой морали чаще всего находились идеи жертвенности, национальной мистики. Молодежь воспитывалась в духе известного в Италии и Германии лозунга «*Credere, Obbedire, Combattere*» («Верить, повиноваться, сражаться»). Через действия в духе этого лозунга должна была реализовываться личность [14, 68].

Фактором внутренней мобилизации масс, как правило, служит внешний или внутренний враг — на базе расизма или социальной ненависти. Проще всего ее организовать на основе экзальтирования примитивных животных инстинктов.

По поводу насилия в тоталитарных режимах Дж. Моссе писал, что террор не должен рассматриваться в качестве статичного явления, он всегда имеет меняющуюся интенсивность [Там же, 9]. Напомню, что вышедшей в 90-х гг. «Черной книге преступлений коммунизма» тут же была противопоставлена книга о преступлениях либерализма.

Что касается исторической традиции, то тоталитаризм являлся новым феноменом только с точки зрения правящей формы. Например, Р. Де Феличе выводит итальянский фашизм из французского и итальянского якобинства. А Дж. Моссе напрямую связывает тоталитарные концепции с экзальтированным представлением Руссо о народе и его «всеобщей воли».

Вспоминаю острейшую дискуссию в Италии в конце 70-х гг. в связи с выходом очередного тома Р. Де Феличе, обращенного к биографии Муссолини. Он назывался «Годы консенсуса». Вся левая историография обрушилась на Феличе с гневными обвинениями в ревизионизме. Сегодня мало кто подвергает сомнению тезис о «консенсусе», который становится одним из типичных признаков тоталитаризма. В связи с темой принуждения, например, Дж. Моссе пишет, что итальянский фашизм и германский национал-социализм для достижения «консенсуса» обошлись без инструмента гражданской войны.

Тоталитарные режимы XX в. в полной мере использовали научно-технические достижения в области массмедиа, прикладной культуры для воздействия на массы. Институты массовой культуры особенно интенсивно развивались в тоталитарных государствах. И в этом отношении они были современными.

Тоталитарные режимы и задачи модернизации. Во всех тоталитарных государствах произошла смена властных политических элит, что в большинстве случаев было востребовано управленческими вызовами и задачами экономической революции. Правда, в разных тоталитарных странах по-разному выстраивались отношения между новой и предшествующей властной элитой.

Например, в фашистской Италии не без оснований утверждалось, что на смену сословной иерархии пришла иерархия функций. Безусловно, итальянский фашизм обновил политическую элиту на всех уровнях власти, внес новые правила карьерного роста, динамизировал смену элит. В нацистской Германии была принята система карьерного лифта [1]. Муссолини в 39 лет стал главой

правительства, Гитлер в 44 года — канцлером, Сталин примерно в том же возрасте стал Генсеком. Примерно такая же «молодежная революция» наблюдается в других тоталитарных странах.

Как правило, эти изменения носили *революционный* характер, поскольку в силу национальной специфики, чаще всего экономической и социальной отсталости, *эволюционный* потенциал изменений в этих странах был слабым.

Таким образом, отрицать модернизационный потенциал тоталитарных режимов было бы неразумно. Другой вопрос, насколько он являлся эффективным с точки зрения краткосрочной и долгосрочной перспективы? Этот вопрос является важным для России, в которой тоталитарный режим был наиболее длительным и пережил много различных содержательных этапов. В послевоенной Италии (то, что называется *secondo dopoguerra*), на мой взгляд, модернизационный задел муссолиниевской эпохи стал одним из факторов итальянского экономического чуда.

Современная наука о тоталитаризме. Известно немало попыток определения тоталитаризма. По нашему мнению, понятие «тоталитаризм» как концепция тоталитарного государства связано с оценкой институциональных форм организации отношений между индивидуальным «я» и коллективным «мы». Между крайними точками существует множество мутаций и переходных форм.

Как исследователь, вслед за Я. Талмоном не признаю антиномию «тоталитарная демократия — представительная демократия» и утверждаю, что может быть научно обоснована тоталитарная демократия как форма прямой демократии [16]. К примеру, сама форма проведения президентских выборов в США является примером сочетания прямой и представительной демократии.

Традиционалисты, чье влияние в российской интеллектуальной и политической среде является намного большим, чем на Западе (сошлюсь только на А. Дугина), противопоставляют либеральным моделям демократии свой первофундамент — «органическую демократию», основанную на принципе «братства».

«Смысл “органической демократии” в том, что она в качестве основы социального устройства общества берет *народ* как особую единую качественную и органическую общность, укорененную в истории, имеющую свою собственную духовную, культурную, национальную и политическую традицию, которая ложится в основание политического самопроявления народа, служит критерием принятия судьбоносных решений и принципом коллективного волеизъявления. Органическая демократия рассматривает народ не как безжалостный механизм, но как *живой организм*, не могущий быть расчлененным на атомарные единицы (детали) без того, чтобы не наступила смерть» [2, 289].

Но для реализации этого типа демократии необходимо создание «однородного, гомогенного общества». Нарушение однородности немедленно вносит раскол в народную волю, создает помехи для ее проявления. По мнению А. Дугина, между демократией, понятой органически (в случае однородного, мононационального общества), монархией и империей не существует никакого противоречия. Конечно, если во всех этих формах соблюдается самое главное условие — «соучастие» народа или народов в своей политической судьбе. Антиномию «органическому народу» составляет «разнородная *масса*».

Процесс раскалывания единого и органического народа, продолжает А. Дугин, вызван политическими действиями либералов. В противном случае сохранение и развитие «органического общества» может продолжаться бесконечно долго. Механизм поддержания или создания органического общества достаточно прост и действует, по словам Дугина, через «вытеснение» на периферию тех, кто имел к органическому единству народа случайное или далекое отношение.

«Если либеральная демократия настаивает на “правах человека”, то органическая демократия должна настаивать на “правах гражданина”, и именно эти права должны быть положены в основу юридического законодательства, регулирующего жизнь в обществе органической демократии». При этом понятие «гражданин» трактуется традиционалистами как «член “братства” сознательных и ответственных за историческую судьбу данного конкретного общества людей, которые с необходимостью должны быть укоренены в истории этого общества, связаны с ним прочными религиозными, этническими, кровными или культурными узами. Поэтому в демократиях неорганического типа ему просто нет места» [2, 294–295].

Измерением культурного, политического, идеологического, религиозного «органической демократии» является «коллективное бессознательное», выступающее как некая «общественная душа народа, в которой отпечатывается сакральная, историческая память и которая хранит в себе с древности психические архетипы Традиции в виде загадочных символов, смутных образов и характерных грез» [Там же, 301]. Наконец, по мнению Дугина, если для реализации «органической демократии» на Востоке существуют все предпосылки, то на Западе, склонном к либеральной, индивидуалистической модели демократии, их еще необходимо создать [Там же].

Оба направления демократической мысли — тоталитарное и либеральное — утверждают высшую ценность свободы. Либеральные мыслители видят сущность свободы в спонтанности и отсутствии принуждения. Конечные цели либеральной демократии не носят конкретного характера. Либералисты полагают, что в отсутствие принуждения люди и общество через пробы и ошибки в конечном итоге могут достичь социальной гармонии. Использование силы для достижения цели считается злом. В то время как тоталитаристы уверены, что свобода может быть реализована лишь в процессе стремления к абсолютной коллективной цели и в ее достижении прямыми действиями.

Проблема, с которой сталкивается тоталитарная демократия, может быть названа парадоксом свободы. Совместима ли свобода человека с исключительностью его существования как социального феномена, даже если эта исключительность нацелена на достижение максимума социальной справедливости и безопасности? Тоталитарная демократия отвечает положительно на этот вопрос. Провозглашаемая цель рассматривается как имманентная для разума и воли человека, являющаяся гарантией его свободы. Именно по этой причине крайние формы народного суверенитета стали наиболее важным сопутствующим элементом этой абсолютной идеи. Все конкретные проблемы и парадоксы тоталитарной демократии объясняются трудностью примирения свободы с идеей абсолютной цели. Эту трудность можно преодолеть лишь при условии, если

мы будем мыслить исходя не из того, каков есть человек, а из того, каким он должен и может быть при создании соответствующих условий. При таких условиях должен исчезнуть конфликт между спонтанностью и долгом, а вместе с ним и необходимость в принуждении. На практике, подчеркивает Дж. Талмон, проблема состоит в том, исчезнет ли принуждение в силу того, что все научатся жить и действовать в гармонии, или же в силу того, что все инакомыслящие будут ликвидированы [5].

Как исследователю прежде всего итальянского фашизма, мне хотелось бы больше говорить о современном состоянии дел в изучении итальянского исторического феномена.

Спустя почти девять столетий с момента официального появления фашизма он продолжает оставаться явлением загадочным и ускользающим от рационального научного определения, несмотря на сотни научных исследований, дебаты как в самой Италии, так и за ее пределами.

То же самое можно сказать о научных интерпретациях фашистского феномена. Разброс суждений является настолько широким, что иногда кажется невозможным достичь точек соприкосновения.

И сегодня исследователи продолжают дискутировать следующие вопросы. Было ли фашистское движение автономным или являлось инструментом иных политических и экономических сил? Имел ли фашизм собственную идеологию и культуру, или выполнял роль наемников, осуществлявших насилие, или был «режимом слов»? Был ли он феноменом модерна или антимодерна, революционным или реакционным? Авторитарным или тоталитарным?

Не существует также согласия в вопросе о месте фашизма во времени и в пространстве. До сих пор обсуждается вопрос о том, где и когда появился фашизм, является ли он исключительно итальянским феноменом или универсальным, вобравшим в себя черты мирового феномена? Можно ли говорить о «фашизмах» как разновидностях явления, имеющего ту же самую матрицу? Были ли определенные временные границы у «фашистской эпохи» или это явление, не имеющее временных ограничений и поэтому представляющее собой постоянную и реальную опасность человеческому существованию?

Некоторые исследователи вообще ставят под сомнение сам факт существования универсального фашистского феномена, указывая на его отдельные элементы, такие как, например, «антипролетарская реакция буржуазии», «моральная болезнь европейского сознания», «патологический упадок массового общества», «выброс накапливавшихся веками дефектов народа, еще не освоившего ценности либеральной демократии» [11, 4]. Исходя из этого фашизм рассматривается ими как «тотальное отрицание истории», как «лишенный исторической индивидуальности». Некоторые исследователи предлагают исключить из научного обращения само понятие «фашизм», как не соответствующее исторической реальности, и заменить его более широким понятием «тоталитаризм».

Сведение фашизма к тоталитаризму имеет определенное научное объяснение. Как известно, понятие «тоталитаризм» возникло в связи с фашизмом и было впервые использовано применительно к фашизму буквально на следующий день после «похода на Рим». Понятие было использовано антифашистами, чтобы

таким образом дать определение фашистской политике как агрессивной, террористической и тотальной, направленной на утверждение абсолютного фашистского господства. Позже это определение было использовано в оценке фашистского режима. Некоторые исследователи, изучавшие тоталитарные модели на примерах нацизма и сталинизма, пришли к выводу, что фашистский тоталитаризм не существовал в природе. Имеются также исследователи, утверждающие, что вообще не существует никакого тоталитаризма. Если следовать этой логике, то, возможно, в будущем мы услышим от какого-нибудь исследователя ревизионистского или постмодернистского направления, что не существовало никакого фашизма.

Применительно к итальянскому фашизму в последние годы набирает силу концепция «ретроактивной дефашистизации», т. е. фашизм лишается его исторической индивидуальности. «Дефашистизация» фашизма проявляется в различных формах: отрицаются сами факты существования фашистской идеологии, фашистской культуры, правящего фашистского класса, согласия масс с фашизмом («массовый консенсус»), фашистского тоталитаризма и даже фашистского режима [11, 6].

Некоторые исследователи утверждают, что режим Муссолини не был истинно фашистским, но «полуфашистским». Можно сказать, что фашизму предоставляется индульгенция или, по крайней мере, возникает благожелательное отношение к фашистскому эксперименту, скорее как к комическому, чем трагическому событию, своего рода разновидности коллективного комедианства, разыгрывавшегося в течение двадцати лет итальянцами под властью личной диктатуры, обусловленной лестью перед диктатором, что в конечном итоге не потребовало больших жертв от Италии. Это отличало Италию от нацистской Германии, где привился расизм и антисемитизм, что привело ее на путь гибели [Там же].

Самая распространенная форма «дефашистизации» фашизма — низведение фашизма к «муссолинизму», т. е. к политическому поведению дуче. В этой позиции проявляется стремление оставить фашизм без фашистов, утверждая, что большинство тех, кто был членами фашистской партии, объявляли себя на публике фашистами, но в действительности входили в политические, культурные, экономические институты режима ради власти и престижа и в реальности не были истинными фашистами, как и не были фашистами те массы, которые выходили на площади, приветствуя дуче.

Согласно этой тенденции, не были истинными фашистами Джузеппе Боттаи, Дино Гранди, Луиджи Федерцони, Альберто Де Стефани, т. е. персоны, которые были наверху фашистской власти от начала и до конца и которые всегда публично демонстрировали свою веру в фашизм и в своего дуче. В одной шеренге с техническими работниками, интеллектуалами, молодыми университетскими профессорами и студентами, которые демонстрировали свою веру в фашизм и дуче и которые принимали активное участие в жизни и в политике режима, эти протагонисты фашистского режима теперь представляются как «диссиденты», «непокорные», «критики», «либералы», а иногда и как тайные противники фашизма.

Современный исследователь Э. Джентиле пишет, что он не разделяет мнение тех, кто отрицает в фашистском феномене собственную историческую индивидуальность, и полагает, что тенденция к «дефашистизации» фашизма во всех ее различных проявлениях является фальсификацией исторической реальности. Не соглашаясь с подобным способом интерпретации и представления истории фашизма, Э. Джентиле стремится показать историческую индивидуальность фашизма без его демонизации и без предоставления ему каких-либо индульгенций, представить его таким, каким он был в исторической реальности в качестве нового политического феномена, возникшего после Первой мировой войны, в радикальной оппозиции к коммунизму и в то же время в его стремлении разрушить демократическую и либеральную цивилизацию, предложив себя в качестве радикальной альтернативы принципам свободы и равенства, которые начали утверждаться в Европе в качестве прав человека и гражданина, начиная с эпохи Просвещения и демократических революций конца XVIII в. В этом смысле фашизм был явлением *политического модернизма*, который претендовал на противоборство с рационалистической, либеральной и демократической модерностью, выдвинув альтернативную модерность, националистическую и тоталитарную, основанную на милитаризации и на сакрализации политики и на тотальном подчинении индивидуума государству [11, 7–8].

Фашистский феномен начал свое историческое движение в 1922 г. с приходом фашистской партии к власти и дал жизнь однопартийному режиму во главе с лидером, который был одержим осуществлением тоталитарного эксперимента согласно принципам, ценностям, мифам и достижением целей в рамках собственной политической культуры.

Э. Джентиле рассматривает фашизм как итальянский путь к тоталитаризму, где «тоталитаризм» является не только новой формой политического режима, появившегося после Первой мировой войны, но и новым опытом политического господства, выраженного комплексом идеологического, культурного, организационного и институционального процесса, который в итальянском фашизме имел одно из своих первых проявлений. Не большевистская революция открыла Западной Европе путь к тоталитаризму, а фашизм и национал-социализм.

Согласно интерпретации, предложенной Э. Джентиле, фашизм не ассоциируется с муссолинизмом, поскольку он был массовым движением, возникшим на основе опыта Великой войны и антисоциалистической реакции буржуазии и средних слоев, которые не только стремились защитить социальный и экономический порядок, основанный на частной собственности, но и пытались осуществить политическую и культурную революцию путем создания нового государства, основывающегося на ранее неизвестной форме тоталитарной организации гражданского общества и политической системы. Эту систему Э. Джентиле определяет как «тоталитарный цезаризм», как «харизматическую диктатуру цезаристского типа, интегрированную в организационную структуру соответственно тоталитарному мифу, сознательно адаптированному и конкретно действующему как свод поведения и отправная точка для действия и организации государства и масс» [11, 9].

Со всеми этими характеристиками итальянский фашизм стал моделью для других антидемократических революционных националистических движений, начиная от национал-социализма, которые следовали по его пути и использовали его опыт в области партийного строительства и политического режима, строя собственное государство согласно национальным традициям.

За рамками различий, даже если они имели глубокий характер, прежде всего идеологического порядка, эти движения характеризовались такими общими чертами, как политический мистицизм, революционный динамизм, идеологическая целостность, основанная на мифе нации как высшей коллективной сущности, которая должна быть возрожденной и воплощенной в государстве постоянной мобилизации, нацеленном на утверждение его величия, силы и престижа в мире.

Эти движения поддерживают и имитируют концепции, институты, мотивы поведения собственно фашизма, т. е. отвергают рационализм, равенство, прогрессистские концепции демократических и социалистических идеологий, ненавидят марксизм и коммунизм, но также презирают индивидуализм либерального буржуазного общества и умеренность парламентской демократии. Они прославляют культ «вождя» как живого воплощения нации и превозносят роль активного меньшинства и его способности мобилизовать и воспитать массы для реализации концепции антропологической революции путем создания «нового человека», предлагают корпоративистский «третий путь» между капитализмом и коммунизмом с перспективой реализации нового порядка и новой цивилизации, основанных на милитаризации и сакрализации политики, на организации и мобилизации интегрированных масс через организацию тоталитарного государства [Там же, 10].

Э. Джентиле обосновал следующее определение фашистского тоталитарного феномена: «Фашизм есть современный политический феномен, националистический и революционный, антилиберальный и антимарксистский, организованный в “военизированную партию”, имеющий тоталитарную политическую и государственную концепцию, опирающийся на мифологическую, с культом мужественности и антигедонизма, сакрализованную светскую религию, которая утверждает абсолютный примат нации и рассматривает ее в качестве органичной, гомогенной, этнически однородной общности, иерархически организованной в корпоративное государство, с воинствующим пристрастием к политике величия, силы и экспансии, нацеленной на создание нового порядка и новой цивилизации» [Там же, VI].

Выводы

Сила тоталитарного режима состоит в его опоре на массы, в использовании коллективистских архетипов массового сознания и нового политического стиля вовлечения масс в политику, в достижении консенсуса с массами.

Таким образом, диапазон тоталитарных режимов расширяется до «тоталитарной демократии». Сопоставляя «идеальные типы» либеральной и тоталитарной демократии, можно полагать, что жизнестойкость первой из них придает

спонтанный, эвристический поиск компромисса между свободой и необходимостью.

Здесь просто нет возможности для развития анализа тоталитарного феномена, исходя из теории И. Пригожина, поэтому, пропуская доказательство теории, сошлюсь только на ее выводы. *Необходимость* накладывает фундаментальные ограничения на свободу. Именно здесь и происходит отбор на выживание, на воспроизводство жизни. Именно здесь свобода «соединяется» с необходимостью. *То, что выживает, получает санкцию на существование во времени* [3, 110].

Мировой опыт не дал ни одного жизнеспособного примера тоталитарной модели, выстроенной самоуверенным человеческим умом. Но это не основание для того, чтобы не находились новые самоуверенные лидеры, отстаивающие модель тоталитарной демократии, и *априори* ученые не могут утверждать, что третий путь абсолютно невозможен. Мы можем только предостерегать и указывать на исторический опыт и исторические ошибки.

-
1. Буханов В. А. Европейская стратегия германского фашизма. 1933–1939. Свердловск, 1991.
 2. Дугин А. Консервативная революция. М., 1994.
 3. Егоров И. Свобода, детерминизм и индетерминизм в свете идей И. Пригожина // Мировая экономика и международные отношения. М., 1999. С. 110.
 4. Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1992.
 5. Тоталитаризм: что это такое? Исследования зарубежных политологов : сб. ст., обзор, реф., пер. М., 1993. Ч. 1.
 6. Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998.
 7. Dahrendorf R. Quadrare il cerchio. Laterza, 1995.
 8. Dahrendorf R. Dopo la Democrazia. Laterza, 2001.
 9. Furet F., Procacci G. Controverso Novecento. Reser, 1995.
 10. Furet F. Da Lenin a Gorbaciov: L'oppio dei popoli // Liberal. 1996. № 13. P. 17.
 11. Gentile E. Il fascismo in tre capitoli. Roma-Bari : Laterza, 2006.
 12. Mikhailenko V. Ugo Spirito e il destino dell'idea comunista nel XX secolo // Democrazia, nazione e crisi delle ideologie. Roma, 1999.
 13. Mosse G. La nazionalizzazione delle masse. Simbolismo politico e movimenti di massa in Germania (1812–1933). Il Mulino, 1975.
 14. Mosse G. Il fascismo. Verso una teoria generale. Roma-Bari, 1996.
 15. Mosse G. L. Democrazia totalitaria e nuovo stile politico // Nuova storia contemporanea. 1998. № 4. P. 9.
 16. Talmon J. L. The Rise of Totalitarian Democracy. Boston, 1952.
 17. Traverso E. Il totalitarismo. Mondadori ed., 2002.

Статья поступила в редакцию 15.12.2010 г.